

ТУНГУСОВЕДЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

В. В. Карлов

ТУНГУССКИЙ МИР СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Понятия исторического времени и пространства применительно к тунгусским (и, шире, тунгусоязычным) этносам Сибири и Дальнего Востока России — категории, которые в нашей этнологической науке, как ни удивительно, до сих пор не подвергались специальному анализу. И если категория исторического времени — понятие, само по себе сложное и трудноопределимое, то пространство, территория освоения и проживания, или этническая территория тунгусского и тунгусоязычного компонентов огромной области Северной Азии, — феномен уникальный и уже хотя бы поэтому требующий объяснения. Ведь этносы, насчитывающие на начало XXI в. в совокупности немногим более 70 тыс. человек, смогли освоить этническую территорию, сравнимую с этнической территорией многомиллионного русского народа. Даже в составе СССР только эвенки (численностью 30 тыс. человек) занимали вторую (!) после русских территорию по сплошной протяженности. И тот факт, что эта территория относится к слабо заселенной и трудной для жизни части ойкумены, объясняет далеко не все: как показывает археология, она была относительно населена уже, по крайней мере, со времени верхнего палеолита. Сложности и малая пригодность для производящего хозяйства —

¹ Секция проведена при поддержке проекта РГНФ (13-01-00117а).

земледелия и скотоводства? Но ведь факт, что уже на рубеже новой эры тунгусоязычные переселенцы активно внедрили в довольно благоприятные районы Дальнего Востока, где впоследствии создали раннесредневековые государства с развитой культурой и высокоэффективным земледельческим хозяйством.

Останавливаться подробно на вопросе об историческом времени бытия тунгусских этносов и их самобытной культуры в рамках небольшой статьи, разумеется, нет возможности. Понимая под историческим временем период формирования и распространения этих культур и судьбы их носителей, здесь достаточно было бы хронологически определить их истоки и основные этапы динамики расселения, освоения нынешних территорий к XVII в., или ту картину расселения, которую застали тогда русские землепроходцы, не затрагивая весьма существенных изменений в расселении, последовавших за этим в связи с русской колонизацией края.

Здесь наибольшую трудность до сих пор представляет определение нижней границы генезиса тунгусов. Нижняя граница формирования вообще до сих пор остается одной из дискуссионных и пока плохо поддающихся объяснению проблем всей алтаистики. Лингвисты в основном сходятся на том, что алтайская языковая праобщность уже существовала на уровне III тыс. до н.э. Но процесс ее дифференциации на прототюркок, протомонголов и прототунгусо-маньчжуров остается неясным, в том числе из-за противоречивости источников (в основном это китайские хроники), в которых употребление этнонимов по отношению к беспокойным северным соседям оставляет достаточно места для гипотез и даже угадывания по принципу созвучия. Например, этноним (скорее хороним) дунху до сих пор некоторыми серьезными авторами отождествляется с «тунгус» [Кацюба, Николаев 1994: 32], хотя уже давно выяснено, что это лишь созвучие, а слово «дунху» обозначало довольно неконкретное суммативное понятие «восточные варвары». Кроме того, слово «тунгус» отнюдь не было самоназванием этноса, оно было распространено в качестве экзоэтнонима (хотя и глубоко укоренившегося и принятого самими его носителями уже в русское время). Русские же восприняли его

от обских угров, в языке которых «тунго» означало «сторонний житель».

Проблема тунгусского этногенеза периодически привлекает все новых исследователей, стремящихся суммировать весь комплекс данных археологии, лингвистики (особенно топонимики) и антропологии. Относительно недавняя монография на эту тему М. Г. Турова, тем не менее, не внесла дополнительной ясности в историческую картину. Автор подтвердил наблюдения антропологов, что группы западных и восточных эвенков имеют неодинаковые генные характеристики, это лишь свидетельствует о разных группах автохтонов, ассимилированных ими в ходе расселения [Туоров 2008: 178–179]. По-прежнему самыми достоверными представлениями об истоках тунгусского мира остаются предположения о том, что эпицентром генезиса алтайской семьи была территория Центральной Азии; юг Сибири (Забайкалье), по всей вероятности, представлял ее северную периферию и стал ареалом обособления прототунгусского при разделении алтайской общности на три ветви.

Определяющим дальнейшие судьбы тунгусов моментом следует, по-видимому, считать усиление миграционной активности в среде подвижного скотоводческого населения южносибирских степей, с которым непосредственно соседствовали предки тунгусов, а также возникновение домашнего оленеводства.

Относительно первого из названных факторов — миграционных перемещений больших масс кочевых племен — можно сказать, что уже с переходом к эпохе бронзы, ознаменованным развитием на юге Сибири ярких самобытных культур кочевых скотоводов, в течение трех тысячелетий область постепенно превращалась в некий тугой узел взаимодействия и взаимовлияния двух встречных потоков — индоевропейского и алтайского. Их противостояние постоянно провоцировало и определенные «выплески» на сопредельные территории, занятые рыбаками и охотниками. В результате оттесненные на периферию скотоводческие группы, контактируя с автохтонными племенами, как перенимали местные хозяйственные навыки, так и привносили новации, имевшие немаловажное значение для улучшения способов жизне-

обеспечения. В контакте степного и лесного миров Присяянья родилось и такое важнейшее «приобретение» автохтонов Сибири, как домашнее оленеводство.

Доместикация оленя и развитие способов его хозяйственного использования стали поистине революционным событием в истории совершенствования способов адаптации человека на всем пространстве Северной Азии. В особенности это нашло отражение в исторических судьбах тунгусоязычных народов. Как когда-то образно и точно выразился В. Г. Богораз, езда на оленях «окрылила тунгуса» [Богораз-Тан 1927: 61]. Значение этого события трудно переоценить: домашний олень позволил предкам тунгусов выработать тот уникальный хозяйственно-культурный уклад, который в сибиреведении получил наименование «северной триады»: сочетание охоты, рыболовства и оленеводства, имевшего главным образом транспортное значение. Обладание оленним транспортом позволило носителям данного уклада стать намного более мобильными, своевременно, в зависимости от обстоятельств, менять места промысла, переходить от одних угодий к другим, от охоты к рыболовству и наоборот. Именно это предопределило смену этнического и этнокультурного облика всей Восточной Сибири, вплоть до Дальнего Востока. В здешних природно-климатических условиях, во всей таежной зоне, этот способ хозяйствования оказался наиболее прогрессивным и эффективным.

Хронология данного процесса была растянута во времени. Если взять таежные области к северу от Байкала, то здесь период «тунгусизации» растянулся от первых веков нашей эры до прихода русских. Известное письменное упоминание китайских хроник VII в. н.э. помещает «народ увань», имевший ездовых оленей, в месяце пути на северо-восток от Байкала. Это приблизительно территория бассейна Олекмы. По-видимому, тунгусский выход из Забайкалья в северные широты происходил не ранее перехода к железному веку: тунгусы территориально разобшили ареалы расселения протосамодийцев и предков юкагиров, ибо, как отмечал Л. П. Хлобыстин, в языках самодийцев и юкагиров совпадают названия меди и бронзы, но не железа, то есть в эпоху

знакомства с железом их прямые контакты уже были прерваны [Хлобыстин 1982: 17].

На длительность освоения северных широт указывает то, что русские в XVII в. застали, можно сказать, еще живой процесс поглощения тунгусами юкагирского этнического субстрата, обитавшего в лесотундре севернее Нижней Тунгуски и в низовьях Лены. Имеется в виду противостояние эвенков Нижней Тунгуски и северной группы племен, получивших в русских источниках название ваяндыры. Согласно русским документам, они были тунгусами, но, судя по некоторым данным, это были тунгусо-юкагиры, то есть юкагиры, находящиеся в процессе ассимиляции тунгусами и перехода на эвенкийский тип хозяйства и язык. О юкагирском происхождении свидетельствует их родоплеменное наименование Ваяндыры, которое, по Б. О. Долгих, есть не что иное, как искаженное «фа-Яндыри» [Долгих 1952]. «Фа» в юкагирском и уральских языках — это лес, тайга, а Яндыри — имя одной из юкагирских групп, живших к востоку от Лены. Сами же эвенки звали Ваяндыров «булэшэл» (булаши из русских документов), что означало «враги», то есть за своих их еще не принимали.

Отмеченные факты свидетельствуют о том, что процесс расселения тунгусов и распространения их типа хозяйства и образа жизни занял довольно длительный период, от рубежа нашей эры до появления русских. Сначала тунгусы — носители «северной триады» — заняли таежные пространства, но к приходу русских «тунгусизация» активно продвинулась и в лесотундровые области Сибири. Тунгусские же «землепроходцы», как это следует из оленеводческой терминологии, принесли культуру домашнего оленеводства также на Северо-Восток, Камчатку и Чукотку, передали ее корякам-чавчувенам [Василевич, Левин 1951: 76–83], хотя здесь она приобрела несколько иной характер, эволюционировала в крупностадное оленеводство, к которому со временем стали переходить и ее распространители — эвены.

Иным был характер внедрения тунгусских пришельцев на Дальнем Востоке. Это переселение имело не долговременный и постепенный характер, как в таежных районах Восточной Сибири, оно выглядит относительно быстрым актом миграции. Ее

датировку также относят к последним векам до н.э. — рубежу н.э., и вызвана она была, вероятно, теми же бурными событиями, происходившими на юге средней Сибири. Но коренное отличие состоит в том, что эта волна прошла еще на дооленной стадии тунгусской истории, это были пешие охотники и рыболовы, пришедшие в бассейн нижнего Амура с его верховий. Их хозяйственный быт не имел тех преимуществ перед местными способами жизнеобеспечения, которые были свойственны оленеводческой эвенкийско-эвенской культуре в тайге и лесотундре к востоку от Енисея. Поэтому здесь пришельцы-тунгусы хотя и смогли передать автохтонам свой язык, но сами перешли на достаточно развитый и эффективный местный ХКТ оседлых рыболовов. Культура пешей охоты сохранилась только у тунгусских пришельцев, осевших в лесных районах вдали от основного русла Амура, по его боковым притокам (удэгейцы, нанайцы таежных районов). Что касается транспортного использования оленей ороками-уйльта, негидальцами верховий Амгуни, то, по-видимому, оно относительно позднего происхождения и связано с продвижением оленных групп тунгусов-носителей «северной триады».

Представляет интерес этническое имя тунгусских мигрантов в Приамурье, упоминаемое в китайских хрониках, — ироу/илоу. Оно, в отличие от созвучия «дунху/тунгус», может быть объяснено с помощью тунгусской лексики. Если более правильное произношение «илоу», то напрашивается аналогия с эвенкийским словом «илэ» (человек). Этнонимы, происходящие от понятия «человек, люди», часто встречаются на ранних этапах этногенеза у самых разных народов мира. Если же правильное произношение «ироу», то здесь возможна связь с эвенкийским окончанием родовых названий на «гир/хир».

Итак, если версия о дооленном и оленном потоках тунгусского расселения (ее когда-то высказала еще Г. М. Василевич) верна, то ее следовало бы несколько уточнить. В представлении Г. М. Василевич, безоленная волна первоначально шла и в северном направлении [Василевич 1964]. Однако в этом случае тунгусский тип хозяйства едва бы имел какое-либо преимущество перед юкагирским. Во всяком случае очевидно, что, напротив, миграция на

нижний Амур на «пешей» стадии определила иной характер взаимодействия с автохтонами, чем миграция в таежные районы Восточной Сибири, где поглощение автохтонов-предшественников (предположительно юкагироязычных) было предопределено преимущественно «северной триады» как способа хозяйствования.

Вообще пространственное расширение тунгусского мира оказало решающее влияние на все этнические группы Средней и Восточной Сибири. Одним из них тунгусы передали навыки домашнего оленеводства, других ассимилировали по мере расширения своего ареала. Для такого этноса, как долганы, они стали одним из компонентов, из которых сложился этот народ. Сам этноним, по общему мнению, — тунгусского происхождения, это имя нескольких тунгусских родов. Тунгусский компонент есть и в составе нганасан — это, по Б. О. Долгих, часть ваяндыров и тидирисы XVII в. [Долгих 1952: 86]. Хорошо известны общие черты в эвенкийском и нганасанском шаманстве; многие нганасанские шаманы, не зная эвенкийского языка, во время сеансов камлания говорили по-тунгусски. В бассейнах Нижней и Подкаменной Тунгусок есть эвенкийские роды, которые, напротив, имели, судя по их родовым наименованиям, самоедское происхождение [Туголуков 1985: 95, 96, 99]. Здесь исход контакта решился из-за преимущества тунгусской «северной триады». А в случае с тидирисами особые экологические условия Таймыра (к слову, типично тунгусского топонима) и его пограничья определили перевес в пользу поглощения тунгусов самоедцами.

Наконец, явно тунгусские черты прослеживаются в хозяйстве и быту северных якутов-олeneводов. Не случайно в литературе конца XIX — начала XX в. их часто именовали тунгусами, имея в виду тот же тунгусский образ жизни на основе «северной триады». Вообще можно сказать, что сам этноним «тунгус», по мнению населения, администрации и ученого мира той эпохи, был не только этнонимом, но обозначал прежде всего определенный образ жизни. Отчасти такое его восприятие сохранилось до сих пор. Как однажды сказал один пожилой информатор присутствовавшим при нашей беседе молодым эвенкам: «Это вы эвенки — у вас оленей нет. А я тунгус — у меня олени есть!»

Одно из свидетельств широты расселения и роли тунгусского мира в период освоения Сибири русскими — укоренение именно тунгусских вариантов названий многих народов в государственной-административной лексике. Русская форма этнонима народа саха — якут — тоже обязана своим появлением тунгусскому произношению слова «саха»: хеко/эко, превратившееся у русских в «якут». Русский вариант этнонима «коряки», по одному из предположений, появился от эвенского «хёэкел»: так называли евражку, которая, вылезая на поверхность на бугорке, озирается по сторонам. Коряки, выбираясь из своего жилища через светодымовое отверстие в крыше, служившее выходом, напоминали тунгусам озирающихся евражек. Русский вариант этнонима нивхов «гиляки» был почерпнут из тунгусского наименования гребцов в лодке. Лодки с большим числом гребцов самими тунгусами не использовались. Примеров такого внедрения тунгусской лексики в речь русских сибиряков можно привести достаточно много. Следует отметить, впрочем, такую же легкость «отунгусивания» многих слов русского, якутского и иного происхождения в виде появляющихся «на лету» неологизмов. Например, меховой чехол для хранения популярного в 1960-е годы транзисторного приемника «Спидола» получил наименование «Спидорук», а русское слово «бугорок» приобрело тунгусский суффикс и превратилось в «Бугоркан» — топоним, ставший названием части одной из факторий Нижней Тунгуски.

Перечисленные факты — свидетельство не только широты расселения тунгусоязычных народов, но и свойственного им качества — не только открытости и легкости контактов с окружающим миром, но и как бы предрасположенности к ним, что позволяло в зависимости от конкретных обстоятельств быстро инкорпорировать иноэтничные группы в свой состав, так же как и самим включаться в иноэтничную среду. На это, конечно, можно возразить, что тунгусы неоднократно вступали в острые военные конфликты и в противостояние со многими из своих соседей, отличались воинственностью. Это почувствовали на себе и русские в период присоединения Сибири, что неоднократно отмечалось ясачными сборщиками. Такие отношения противостояния скла-

дывались порой и между различными территориально-племенными группировками, связанными внутри представлениями о генеалогическом родстве. Однако ситуации молниеносной консолидации для отпора врагам возникали, как правило, из-за попыток чужаков проникнуть на традиционные территории хозяйствования или обложить тунгусов данью. Разумеется, такие конфликты чаще возникали в местах соседского или чересполосного проживания (с бурятами, кетами, самодийцами, якутами). Но когда ситуации конфликта были исчерпаны, нередко устанавливались вполне мирные контакты и обменные отношения.

Путешественники и наблюдатели в этой связи часто отмечали особенные психологические свойства тунгусов. Можно вспомнить А. Ф. Миддендорфа, который посвятил отдельный раздел своего «Путешествия на север и восток Сибири» психологической характеристике встреченных им народов. Эти характеристики сегодня с точки зрения науки воспринимаются несколько наивными. Однако они даны человеком, имевшим большой опыт контактов с аборигенами Сибири, зорким и наблюдательным путешественником. При описании тунгусов Миддендорф, согласившись с мнением М. А. Кастрена, заметил, что они среди других народов Сибири подобны дворянам, выделив такие их качества, как ветренность, азартность, любовь к удовольствиям, легкомыслие и благородство [Миддендорф 1878: 702, 704]. Что касается ветренности и легкомыслия, то такое впечатление на автора могли произвести чисто охотничьи особенности тунгусского быта: это не столько легкомыслие, сколько врожденная привычка надеяться только на свои способности в добыче пропитания охотой и рыбалкой. Азартность же действительно свойственна эвенкам и эвенкам. Но кто-нибудь видел охотников, лишенных азартности? Благородство, о котором говорит Миддендорф, — это уникальная готовность совершенно бескорыстно прийти на помощь любому, кто в этом нуждается, не считаясь с «издержками». Здесь в качестве примера можно привести, кроме множества случаев, известных любому этнографу, работавшему среди тунгусских народов, замечательный рассказ Н. С. Лескова «На краю света». Такими же качествами обладал и знаменитый друг и проводник В. К. Арсе-

ньева нанаец Дерсу Узала. Такие нормативно-ценностные особенности представителей тунгусского мира действительно обеспечивали как легкость, так и прочность личностных связей, если они устанавливались между ними и их контрагентами. Эти врожденные качества были воспитаны многовековым опытом жизни в условиях, когда ежедневно, ежечасно человека могло подстергать множество непредвиденных ситуаций, требующих вмешательства и поддержки. Соответственно любой человек, воспитанный в этой системе ценностей, рассчитывал на такое же отношение партнеров. Однако их искренностью и открытостью нередко в корыстных целях пользовались многие «цивилизованные» контрагенты.

Открытость социальной структуры тунгусов, в частности эвенков, неоднократно отмечалась исследователями [Карлов 1982: 73–89; Ермолова 1999: 153–160]. Несколько необычное объяснение данного феномена предложила Н. В. Ермолова. Отталкиваясь от идей Л. Н. Гумилева о механизме восстановления структуры этноса после потрясений, она вслед за ним считала причиной сохранения и поддержания пассионарности этноса, в данном случае эвенкийского, генетическое расширение тунгусской пассионарной зоны путем прямых половых контактов тунгусских мужчин — носителей такой энергетики — за пределами собственного локального ареала, то есть за счет внебрачных связей и отсутствия эндогамности этих ареалов [Ермолова 1999: 159–162]. Критиковать такой подход с научной точки зрения очень трудно по той причине, что это объяснение по природе своей не научное, а скорее художественно-идеологическое, что в было свойственно стилю мышления Л. Н. Гумилева. Это другая форма рефлексии, нежели наука. Конечно, примеры увода женщин при межплеменных столкновениях и конфликтах широко известны, этот факт отражен в источниках, так же как и насилие во время набегов на соседей. Но причины легкого расширения тунгусского мира коренятся не в этом: примеры такого же поведения не в меньшей степени носились и ко всем другим сибирским народам.

Представляется, что биология и генетика здесь ни при чем. Истинными причинами все-таки можно считать факторы социо-

культурные, породившие у народов, особенно алтайской семьи языков, универсальный механизм регуляции и саморегуляции социальных связей на основе структуры генеалогического древа, когда роды, входившие в территориально-племенную группировку, объединялись в сознании ее членов по родоначальникам, реальным или мифическим. Подвижная жизнь, интенсивные перемещения и войны, миграции часто способствовали разрушению генеалогических структур. Эти обстоятельства способствовали выработке механизмов быстрой регенерации и трансформации генеалогий за счет включения новых, пришлых или даже инородных, групп путем добавления их предков в местную генеалогию, то есть адопцию пришельцев или соседей с последующей их ассимиляцией.

Такой механизм появился, очевидно, в достаточно отдаленные эпохи, ибо он в равной степени свойствен как тюркам, так и монголам и тунгусо-маньчжурам. При этом он нередко действовал таким образом, что в условиях соседского проживания порой было чрезвычайно трудно установить этническую границу. Эти обстоятельства хорошо известны специалистам, занимающимся проблемами этногенеза алтайских народов: древние и средневековые письменные источники дают обильный материал по данной теме, но изложение этих фактов уже выходит за рамки статьи.

Структура генеалогического древа с механизмами ее воспроизводства и регенерации особенно эффективно работала при подвижном образе жизни, с переходом к более оседлому бытию она утрачивала смысл и разрушалась. Интересно, однако, что у тунгусоязычных народов нижнего Амура родовое деление довольно хорошо сохранялось. При этом, если обратить внимание на очень большое количество одноименных родов у соседних народов (нанайцев, ульчей, орочей, даже нивхов), здесь встраивание в местные генеалогии соседей также было нормой. Однако сама по себе технология адопции, свойственная эвенкам, здесь отсутствовала. Но примечательно, что местная среда выработала некоторый ее аналог — имеется в виду практика возникновения союзов родов «доха», описанная А. В. Смоляк. Роды, сильно сократившиеся

численно, выдавали замуж вдову умершего мужчины не за его младшего агнатного родственника, как требовали обычаи левирата, но принимали решение выдать ее в другой род, тогда между этими двумя родами устанавливались связи искусственного родства, с соблюдением строгого взаимного запрета перекрестных браков. При этом такие связи «приобретенного» родства могли объединять роды даже разной этнической принадлежности [Смоляк 1990: 15–17].

Подводя итог, следует отметить, что данная статья содержит лишь некоторые предварительные замечания по сложной и масштабной проблеме особенностей исторического пространства и исторического времени тунгусского мира Сибири и Дальнего Востока России, у которой есть несколько измерений и ракурсов: этнокультурный, экологический, демографический, социологический и социально-психологический. И все они в равной степени заслуживают подробной, углубленной разработки.

Библиография

Богораз-Тан В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. 6.

Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) // VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.

Долгих Б. О. Происхождение нгансанов // Сибирский этнографический сборник. М., 1952. Вып. 1.

Ермолова Н. В. Эвенки Центральной Сибири: социальная организация и этническая структура // Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999.

Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. Хозяйство и социальная структура. М., 1982.

Кацюба Д. В., Николаев Р. В. Этнография народов Сибири: учеб. пособие. Кемерово, 1994.

Миддендорф А. Ф. Путешествия на север и восток Сибири. СПб., 1878.

Смоляк А. В. Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

Туров М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск, 2008.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982.

Abstract

The article focuses on the reasons and chronology of the Siberian Tungus peoples' development of Northern Asia, a territory unique in its extention. In the author's opinion, the main factors of this process consisted in a type of economy, effective in taiga conditions (a combination of hunting, fishing and transport deer-farming) and special traits of social organisation (openness for contact and easiness of reproduction, even with members of other ethnic groups).